

ПУЛЯ лежала в пластмассовой коробке. Это была старая, почерневшая от времени пуля. Ее извлекли из-под паркета, аккуратно уложили в коробку и прислали в Минск. Простой кусок металла стал реликвией.

У вещей бывают свои сложные истории. И я расскажу об этом. Но сначала — о человеке.

Когда ехала к нему, то уже знала о его необыкновенной судьбе и о легендах, сложенных о нем. Но легенда любит все слаживать и упрощать жизнь. Нам легче представить героя, наделенным чем-то сверхобычным, нежели просто человеком, который живет той же повседневностью, что и мы. Но правда жизни в том, что в одном человеке соединено и героическое и... обыкновенное. Героическое — это момент жизни, акт сознательного действия. Свершавший его никогда не живет только им. Он не то что забывает его. Забыть нельзя, да и не дадут другие. Но дело сделано, и мысль — уже не иное.

Я заранее знала: трудно будет вести с этим человеком разговор. Он, верно, с удовольствием расскажет о своих сегодняшних заботах, о видах на урожай, а о том большом, что давно за плечами, говорить не захочет: «Было, быдем поросло».

Так почти и случилось. За окном начиналась весна, и Минск шумел, как шумят все большие города ранней весной. Мой собеседник еще не стар, а голова бела. По-крестьянски большой выпуклый лоб, и в темных ресницах светлая глубина глаз, внимательных, чуть проницательных. — Поговорим о сегодняшнем... Но мне-то надо непременно узнать и про эту пулю в коробке, и про другое...

В 36-М МЫ ВСЕ зачитывались «Военной тайной» Гайдара, на пионерских сборах и демонстрациях мы пели:

Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных! Вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах...

А этот человек, с которым мы встретились только сегодня, в один из дней далекого 36-го приехал в Вильню. Произошел небывалый провал подполья. Аресты за арестами. Около тысячи коммунистов бро-

УЗНАЛ СИЛУ ЛЮДСКОГО БРАТСТВА

СТРАНИЦА ОДНОЙ БИОГРАФИИ

шены в тюрьму. Одни, не выдержав изощренных пыток, погибли в застенках, другие отправлялись на каторгу. Это было массовое наступление польской охранки-дефензивы на революционное подполье Западной Белоруссии. Шла пацификация революционно настроенных деревень, а в тех краях по-другому настроенных деревень и не было. Усморяли, усмиряли, усмиряли...

— Вот решение ЦК, — сказали Сергею Пригытскому. — Виновен в гибели товарищей один человек — Яков Стрельчук.

— Член ЦК комсомола? — удивился Сергей.

— Провокатор и предатель. Уничтожить его, значит, спасти остальных.

Яков Стрельчук... Сергей Пригытский никогда его не видел прежде, но знал о нем много. Иступленный оратор, мастер афористики. Сначала рядовой подпольщик, потом секретарь райкома комсомола, секретарь окружкома и, наконец, член ЦК комсомола Западной Белоруссии. И вот, оказывается, он провокатор!

Сергей получил пароль к товарищу Роберту, секретарию ЦК комсомола Николаю Дворникову. Зима стояла гнилая. Холодно и сыро было на улицах, и на серых камнях домов влажные капли сползали по колкому

инею. В печи потрескивали дрова. Пахло сосновым дымком, как от лесного костра. Невысокий, подвижный, всегда насмешливый Роберт рассказывал:

— Выполнять поручения ЦК не так просто, друг. Стрельчук теперь открылся. Когда к мадам в кофейню пить не ходит, выдеву с панночками не имеет, даже моцион во дворе без охраны не совершает. Только в суде и показывается.

— Есть один выкуп — размыслил Сергей. — Достать предметы в суде. Совершить правосудие прямо на глазах у всей этой своры — судей, прокурора, милиционеров.

— К вылкам в логово! — Роберт посурился, быстро прошлепав по камням, сказал резко: — Думаешь... Не можем товарища послать на верную смерть. И так не осталось мало.

— Послать не надо, — сказал Пригытский. — Пойду сам. Нужны оружие и планка. Лучшее всего форма фашистов, «Стрельцов»...

Когда все было решено, когда достали оружие и костюм, Сергей остался один и долго не мог уснуть. Он, уже опытный подпольщик и конспиратор, знал, на что идет, знал все, что могло ждать его... «Опытный подпольщик, — усмехнулся он, — даже не нашел способа повидаться с матерью».

Удивительная женщина, его мать. Только в затерянных богом селах вырастают такие женщины со своим многотрудным терпением и мудростью. Молчаливая, она все понимала, а если не понимала, умела прощать. Сергей исчезал из дому по заданию комсомола на много дней, месяцев, осо-

бенно когда стал секретарем подпольного окружкома. Налаживал связи, сколачивал организацию, руководил забастовками, тайком пробирался в поселки, деревни.

В 1933 году его арестовали впервые. Зверски избивали, пытали. Били головой о стенку, били по пяткам резиновой дубинкой, вливали в нос воду из шланга. И требовали: говори, говори, говори...

Потеряет сознание — обольют водой и повторяют сначала. И так шесть суток подряд. В это время надо все забыть: и материнские руки, и роющую деревню, и товарищей. Все! Тогда стерпишь, не выдашь.

Полагаю тюрьмы, полагаю пыток и издевательств. Вернулся домой, мать всплеснула руками:

— Сыночек, что же они с тобой сделали! Только один знал, что они с ним сделали... Вот почему сам выказался пойти в тот суд, где будет выступать провокатор Стрельчук.

Сергей уснул крепко, по-мальчишески, как привык только у себя дома, намазавшись за два дня. А когда проснулся, взглянула на часы — полдень — ободрал: Стрельчук уже успел выступить в суде. Сначала пришло отказание, но сказать не пробыла радость — еще один день Царьки день жизни. Пусть он умирает, этот день, с никим небом, серой моросью, но все-таки он будет принадлежать ему.

Потом испугался: а вдруг Роберт, дружкой которого он так дорожил, сочтет его трусом? Но тот все понял. Сергей не знал, что в этот случайно дарованный им день, он выдался с Робертом в последний раз. Прошел немного времени, и в газете бойцов интернациональных бригад, сражающихся в Испании, сообщат о нем:

«...На рассвете он пошел со своей ротой штурмовать фашистские позиции в горах Эстремадуры. Никто не знает, где он лежит. Эстремадурские горы могут никому не отдать своей тайны. Круты их перевалы. Недоступны их скалистые хребты...»

Такая будет судьба у Дворникова. А в то утро они попрощались, и Сергей вдруг в порыве чувств признался:

— А знаешь, я ведь еще ни одной девчонки не поцеловал...

Сергей вошел в зал суда гусиной походкой молодого пижона, гордящегося своей

щеголеватой полувоенной формой, ни на кого не глядя, сел в седьмом ряду, возле самого прохода. Ввел подсудимых — их семнадцать. Свои ребята — студенты. Крепко же им досталось. И вдруг заметил — перешептываются, кивают на него. Недоумевают, что он тут делает, да еще в фашистской форме. Только бы не выдать себя. Скорее бы уж...

— Встать! Суд идет!

Идет... Своим чередом идет этот суд. Наконец...

— Пригласите свидетеля Якова Стрельчука.

— Клянусь говорить суду правду и только правду, — звучит хорошо поставленный голос штатного оратора.

Правду?... В чем правда гвоя, Стрельчук? Кровавый след за тобой по Белоруссии. Товарищи в застенках. И вот эти — семнадцать молодых парней и девчат...

Тихо в зале. Только крикливый голос Стрельчука. Нет, Сергей не видел его лица. Он вообще ничего не видел. Встал и стремительно пошел на голос. Два пистолета выхвачены из карманов. Рывком к трибуне. Один пистолет к уху, другой — к спине. И сразу — два выстрела. Приговор к исполнению. И точка! Приговор народа...

Теперь к дверям. Толпа мечется в проходе. Пистолеты — в упор, и сразу в толпе — коридор.

Дверь заперта. С размаху ударил плечом. Полицейские шарахнулись в сторону. Вниз по лестнице. Еще можно бежать. И... не успел. Первыми опомнились сыщики Дайновский и Бучковский. Выстрели, выстрелы, выстрелы...

Хирург насчитал девятнадцать дыр в кишках. Одна пуля попала в легкие, другая — в голову, еще одна — в ногу.

Очнулся в госпитале Святого Якуба. У постели сидел ксендз. «Пошел к черту!»

С полным текстом документа можно ознакомиться в здании библиотеки